

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ ПОДРОСТКОВ В РОССИИ И КИТАЕ

В статье авторы представили способы интеграции психолого-педагогической и государственной поддержки превенции виртуальных аддикций у несовершеннолетних подростков в парадигме российской и китайской социокультурных образовательных сред. Обоснованы риски и возможности международного сотрудничества государств в сфере ювенальной юстиции для снижения деструктивных поведенческих паттернов несовершеннолетних в контексте исследования влияния ИСТ индекса.

Ключевые слова: интернет-аддикция, ИСТ индекс, информационно-коммуникативная культура, подростки, киберсреда, интернет-пространство России, интернет-пространство Китая.

Цифровизация в условиях глобализации коммуникаций инициировала процессы изменения соотношения социокультурной и киберсфер в жизни человечества. Акцентуация инновационных технологий в социализационных механизмах способствует развитию дифференцированных форм интернет-аддикций в постгуманистической парадигме префигуративной культуры. Такая ситуация наиболее остро затрагивает проблемы воспитания подростков, вовлеченных в системы интернет-коммуникаций, dark net в хаотичном децентрализованном формате. Безусловно, сегодня необходимо искать единые государственные способы регулирования подростковых интернет-аддикций на международном уровне.

В специальных исследованиях ряда ученых различных специальностей сегодня предпринимаются попытки выделить направления, способные регламентировать деятельность в Интернете, на социальном, правовом и культурном

уровнях, создать общественные объединения, разработать кодекс поведения в Интернете, принять соответствующие законы. Анализ статистических данных показал следующее: приоритетное положение по использованию Интернета принадлежит азиатским странам – 42,6 %, на втором месте стоят европейские страны – 24,1 %, государства Северной Америки – 14,6 %, Латинская Америка и Карибские острова – 10,3 %, страны Африки – 3,9 %, страны Среднего Востока – 3,3 %, Австралия и Океания – 1,2 %. Россия занимает третье место по использованию Интернета – 45,3 млн пользователей. В Китае Интернет используют более 338 млн человек. Ежегодно во всех государствах число пользователей Интернета значительно увеличивается [4]. Таким образом, проблема превенции интернет-аддикций не может быть локально решена в пределах одной государственной системы, глобальный Интернет запретить невозможно. Поэтому важно

проанализировать способы снижения цифрового неравенства в области технологий и в области сформированности информационно-коммуникативной культуры у подростков [5].

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о важности выработки единой стратегии развития интернет-пространства во всем мире. Такая ситуация обусловлена потребностью осмысления дифференцированных киберфеноменов, которые возникают в самых разных уголках мира, но не везде могут контролироваться и констатироваться в силу дифференциации технологического развития этих стран. На Африканском континенте сегодня в глобальные киберсети вовлечено не более 6 % населения, такая ситуация отражает проблему неравномерного освоения киберсетей, что, соответственно, влечет за собой рост теневого использования dark net. Полярную тенденцию можно выявить в странах Европы и США – 44 % населения вовлечены в глобальные сети [10].

С 2007 года мировое сообщество предложило создать единый комбинированный показатель технологической развитости страны в области интернет-коммуникаций. В качестве такого показателя был выбран ICT Development Index (индекс развития информационно-коммуникационных технологий), опирающийся на анализ одиннадцати показателей, разработанных Международным союзом электросвязи (International Telecommunication Union) ООН. Сегодня важно превентировать интернет-аддикции, возникающие вследствие неравномерного квалифицированного доступа в киберсети. Факт высокого уровня развития ICT индекса

обусловлен доступностью большинству страт населения технологического и IT рынков. В то же время можно отметить низкую динамику показателей ICT индекса в развивающихся и развитых странах мира. 38 % – в развивающихся и 36 % – в развитых странах не позволяют сделать вывод о существенных различиях в этих процессах, но дают возможность констатировать сравнительно небольшие показатели снижения цифрового неравенства [10].

Ситуация, инициируемая разноразновным доступом к цифровым ресурсам у молодых людей, создает серьезные риски проявления противоправного поведения, экстремистской активности, информационным манипуляциям со стороны деструктивных референтных групп. Таким образом, интернет-аддикции контролируются и в России, и в Китае исходя из технологических возможностей государственного сектора. В таких условиях растут риски префигуративных границ в детско-родительских и образовательных отношениях, когда родители и педагоги, не имея специальных знаний для функционирования в киберсреде, не могут в полной мере оказать помощь детям и подросткам, сориентировать их на конструктивные стратегии поведения и ресурсы. Ситуация нуждается в психолого-педагогической поддержке и повышении грамотности педагогов, подростков и их родителей в вопросах информационно-коммуникативной культуры в глобальном киберпространстве [2].

Считается, что подростки, девушки и юноши, из развитых стран имеют больше информации об Интернете, чем молодежная популяция из развивающихся государств, но в то же время

мало кто осведомлен об игровой зависимости, интернет-зависимости, которые можно приобрести при замещении социокультурного пространства его симулякривным виртуальным суррогатом.

Индекс развития ICT в Китае соответствует 73-му месту в мире, а в России – 50-му месту, что иллюстрирует высокий уровень технологической и экономической доступности киберпространства на уровне школьного образования. В периоды пандемии дистанционные технологии были повсеместно использованы в странах с допустимыми ICT индексами. В то же время рост пребывания подростков в киберсреде увеличил количество дифференцированных и новых аддиктивных форм в интернет-коммуникациях и киберпреступлений.

Вопрос о снижении социальной тревожности из-за информационных манипуляций в киберсреде, которой в большей степени подвержены подростки, является архиважным. Необходимо снижать риски массовой дезинформации, инициирующие формирование деструктивных поведенческих форм, например, секстинга, буллинга, троллинга, моббинга, харассмента. В России и Китае на государственном уровне разрабатываются стратегии цифрового воспитания, информационной безопасности молодежи. Российский подход к информационной безопасности представляет собой уникальный опыт, опирающийся на разработку своей Конвенции, регулирующей цифровое пространство на социальном, правовом, культурном и экономическом уровнях.

Законодательное регулирование в Интернете осуществляется в международном правовом поле, ни один из участников международных коммуникаций удаленно не сможет решить важные глобальные проблемы киберсреды, например, превентировать угрозы вовлечения подростков в террористические группы. В то же время мы видим серьезные противоречия в определении роли провайдера в интернет-хостинге, в понимании блокчейна, криптовалюты, электронной подписи, вредной информации. Существующие сегодня многочисленные Конвенции не решают однозначно ни один из вопросов. Более того, ни одно государство пока так и не определилось с политикой, направленной на борьбу с различными формами интернет-аддикции [3].

Психологи определяют интернет-аддикцию как явление, характеризующееся полным погружением в социальную сеть с изменением состояния сознания. Терминология, обозначающая данную зависимость, крайне вариативна – «поведение, зависимое от Интернета», «интернет-аддикция», «патологическое погружение в Интернет», «доминирование Интернета в жизненной стратегии», «полное погружение в Интернет», «виртуальная аддикция», «киберзависимость». Несмотря на различный тезаурус, специалисты сходятся в том, что поведенческие характеристики индивида идентичны. «Интернет-зависимость» – наиболее емкое и полное понятие, включающее все вышеперечисленные, ибо в нем заключена основная категория – «зависимость» [2].

В интернет-зависимость специалисты включают не только навязчивое желание индивида пребывать в виртуальном мире, но и болезненную тягу к азартным играм, опосредованным Интернетом, онлайн-аукционам, электронным покупкам.

У каждого государства есть свои представления об информационной политике в области интернет-регулирования и предупреждения интернет-аддикции. С этой целью уделяется внимание созданию исследовательских, консультативно-терапевтических центров, цензуре деструктивных игр. Например, церковная власть Саудовской Аравии с марта 2001 года запретила видеоигры и карты «Покемон».

Активная работа по созданию системы правового регулирования идет в США, например, в штате Миссури с 1973 года принят «Закон о солнечном свете (Missouri Sunshine Law)», направленный на регламентацию доступа к индивидуальной, частной информации в киберсети. Правоприменительная практика в отношении такого подхода к регламентации доступа к вредной информации затруднительна. Запрос на получение доступа государственных органов к информации в Sunshine requests может обрабатываться до 60 дней. В то же время в городе Сен-Луис локальные акты регламентируют запрет на доступ несовершеннолетних пользователей к информации, содержащей сцены агрессии, насилия в игровой индустрии киберсети. Соответственно, регламентация безопасного Интернета и превентивная работа интернет-аддикций будет сталкиваться с правовым противоречием [12].

Государственные органы Китая обеспокоены распространением деструктивного интернет-контента среди молодежи и реализуют централизованную политику в этом вопросе [1]. В то же время в ряде стран, например в США, Интернет появился значительно раньше, но возможности по единому правовому регулированию цифровой политики значительно ниже из-за правовой самостоятельности ряда штатов, имеющих свое видение данного процесса на локальном уровне, опирающихся на действующую сегодня Европейскую Конвенцию, не признанную в Российской Федерации. Следовательно, интернет-аддикция сегодня может трактоваться как индикатор, наглядно иллюстрирующий высокий уровень интеграции социокультурной и цифровой сфер, свидетельствующий о высоком уровне использования киберсред [8].

Феномен интернет-зависимости в Китае выражен гораздо сильнее, чем в какой-либо другой стране. Борьба с интернет-аддикцией несовершеннолетних стала задачей государственной важности. Многие ученые Китая исследуют данный феномен и пытаются определить наиболее эффективные механизмы его превенции [1].

В 1994 году Китай включился в глобальное киберпространство с количеством пользователей, не превышающим десяти тысяч. Уже через три года число интернет-пользователей перевалило за шестьсот двадцать тысяч [12]. Через одиннадцать лет число интернет-пользователей уже было двести девяносто восемь миллионов человек. Ежегодный прирост интернет-пользователей составил 41,9 % [4].

40 % свободного времени интернет-пользователи Китая проводят в онлайн. У более половины интернет-пользователей возраст составляет от 10 до 29 лет, 32,4 % – это студенты. Скачиванию и прослушиванию музыки уделяют внимание 85,5 %, новостным программам – 79 %, обмену информацией – 73,1 %. Около 30 % вовлечены в «IoT» (интернет-вещей). Большинство респондентов некритично воспринимают свою вовлеченность в технологии «big data» и считают, что это дает преимущество в саморегуляции своего витального пространства и минимизирует временные затраты. 90 % определяют высокие обучающие возможности киберсреды в глобализационной перспективе. Менее 15 % активных пользователей глобальных телекоммуникационных сетей задумываются о проблемах интернет-зависимости, игровой зависимости, снижении здоровья в связи с безответственным использованием гаджетов, игр [9].

65 % российских подростков используют Интернет прежде всего для развлечений: ищут и прослушивают музыку 67 %, скачивают различные программы, софт 56 % пользователей, 51 % используют электронную почту, скачивают и смотрят фильмы и видеоролики 80 %, обмениваются сообщениями в мессенджерах 70 %, увлеченность онлайн-играми характерна для 60 %, общение в блогах, форумах и социальных сетях подтвердили 37 % респондентов. Покупки и заказы в Интернете вещей характерны для 50 %, а 10 % не пренебрегают услугой «голос через Интернет» [6].

В Китае, как и в Российской Федерации, сегодня существует двойственное

отношение к киберпространству. С одной стороны, они признают, что Интернет – это траектория, оказывающая прямое воздействие на развитие личности. С другой стороны, государства понимают, что, например, интернет-кафе – это место встреч людей, которые изучают информацию, достаточно часто деструктивную и физически небезопасную. При большом скоплении людей в интернет-кафе могут происходить трагические инциденты, связанные с технической неисправностью, так, например, в 2002 году пожар в Китае в одном из интернет-кафе унес жизни большого количества людей. Это обусловило усложнение процесса лицензирования новых интернет-кафе периодом на один год и инициировало более серьезные подходы к вопросу индивидуальной безопасности их пользователей в уже открытых заведениях [6].

Важным вопросом в превенции интернет-аддикций стоит развитие у пользователей навыка работы с вредной информацией, умение отличать ее от конструктивных и валидных источников и снижать количество интернет-коммуникаций, приводящих к текстоверсии в социальном секторе, харассменте, хейтинге, буллинге, массовой панике и истерии. Дифференцированные проблемы государства при такой риторике могут подвергаться рискам информационного влияния как на внешние проблемы, так и на интерпретацию внутренних факторов. В такой ситуации необходимо инициировать развитие в процессе киберсоциализации ИКК компетенций у пользователей [5]. Например, в Японии, где активно проводится работа по информированию населения о рисках киберугроз, при ее высоком уровне роботизации,

технологизации исследователи определяют более низкий уровень вовлеченности в киберкоммуникации, чем в не менее развитой Южной Корее, где такая работа проводится на ином уровне и выстраивается сложная политическая риторика в условиях информационной войны с Северной Кореей. В России и Китае мы констатируем высокую вовлеченность государственного аппарата в организацию подходов к трансляции контента о киберугрозах для социума и высокий уровень социальных интернет-коммуникаций, связанных с большими размерами стран и рассредоточенностью населения в самых разных районах. В Китае с 1995 года применяется Great Firewall, направленный на цензуру экстремистских блогов и иностранных каналов, которые могут принимать участие в информационных манипуляциях – Wikipedia, Technorati, блогам Blogspot и многим другим вебсайтам, поддерживаемым BBC [11]. В Российской Федерации сегодня признаны экстремистскими организациями социальные сети Инстаграм и Фейсбук, которые сняли фильтры, запрещающие оскорблять русских граждан, включая несовершеннолетних.

Социальная незрелость несовершеннолетних часто приводит к тому, что они на почве онлайн-игр совершают акты суицида. Эти факты были констатированы и Китайской академией наук и Молодежной ассоциацией Сети Китая. Многочасовое интернет-пользование приводит к летальным исходам, вызванным нервным и физическим истощением несформировавшегося организма подростков. В Российской Федерации

сегодня разрабатывается методологический психолого-педагогический инструментарий, инициирующий своевременное выявление чрезмерного использования Интернета. Например, к факторам риска мы относим: потерю контроля подростком своей жизни, потерю интереса к социокультурной действительности, появление «синдрома отмены», замену традиционной реальности ее цифровым симулякром.

Феномен гиперподключенности подростков наблюдается в Российской Федерации и Китае. Это формирует потребности в психолого-педагогическом осмыслении способов формирования конструктивной социальности, цифровой идентичности, превенции мнимой ситуации развития и снижения гипостазированной логики, опирающейся на когнитивное бессознательное.

Результаты опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в 63 субъектах Российской Федерации среди 1085 респондентов-подростков в возрасте 14 – 17 лет, позволяют сделать вывод о включенности в интернет-деятельность более 80 % из них. 21,3 % не включенных в киберсреды, интернет-коммуникации подростков объяснили это отсутствием гаджетов, технологий, экономических возможностей, интернет-среды в образовательной организации. Факторы все экстернально значимы и показывают высокий интерес этой группы респондентов к технологиям киберсреды. Только 3 % опрошенных подтвердили осознанное нежелание использовать имеющиеся в их доступе интернет-технологии из-за субъективных причин – из-за неумения пользоваться виртуальным инструмен-

тарием, нежелания, отсутствия интереса. Возраст среднего пользователя интернет-пространства снижается и в России, и в Китае и составляет 9 – 10 лет.

Мы разделяем мнение исследователя Н. А. Цой в том, что в основе аддиктивного поведения личности лежит низкий самоконтроль, вследствие которого индивид стремится любыми путями к гедонистическому досугу, включая обман, изворотливость, двойные стандарты. Низкий контроль личности обусловлен издержками воспитания, формированием чувствительности к невозможному в реальной действительности [4].

Современные реалии российской действительности таковы, что государственная информационная политика по отношению к профилактике интернет-зависимости несовершеннолетних практически не выстроена. Предстоит долгая работа в области социально-педагогического сопровождения по реализации подростков в реальной действительности с их последующей реабилитацией.

Нам представляется, что и в России, и в Китае в рамках государственной информационной политики необходимо решать следующие проблемы:

- определить основополагающие причины виртуальной зависимости несовершеннолетних с опорой на опыт России, Китая, Южной Кореи и Сингапура;

- выработать единый инструментальный исследования интернет-аддикции детей и подростков;

- разработать адекватные меры противодействия исследуемому феномену.

На государственном уровне необходимы целенаправленные системные мониторинги поведенческой стратегии несовершеннолетних в тесном взаимодействии с академическим и родительским сообществами для актуализации, снижения острых правовых рисков и поиска адекватных мер ювенальной юстиции (защитающих права несовершеннолетних) для подростков, вовлеченных в деструктивную интернет-деятельность. Социальные и воспитательные институты должны разработать стратегию, направленную на актуализацию поиска политических, технологических и психолого-педагогических способов решения проблем интернет-аддикции. Нам представляется, что превенция интернет-аддикций не может выстраиваться на политике неразумных ограничений, но должна инициировать поиск инновационных путей психолого-педагогической факсификации несовершеннолетних и ответственной поведенческой стратегии всех субъектов образовательного процесса.

Литература

1. Сяохуэй Я. Ценности и воспитание ценностного сознания в современном Китае // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2019. № 2. С. 76 – 91.
2. Фортова Л. К. Нравственно-правовое воспитание учащейся молодежи : избр. тр. Владимир : Шерлок-пресс, 2018. 202 с.
3. Фортова Л. К. Правовое поведение несовершеннолетних и его детерминация : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 150 с.

4. Цой Н. А. Информационная политика государства и феномен интернет-зависимости в России и Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2010. № 4. С. 5 – 16.
5. Юдина А. М. Виртуализация информационно-коммуникативной образовательной среды // Мир науки, культуры и образования. 2019. № 3 (76). С. 151 – 153.
6. Guobin Y. The Internet and Civil Society in China: a preliminary assessment // Journal of Contemporary China. 2003. № 12 (36). P. 453 – 475.
7. Yarygina N. A., Piralova O. F., Lichutina M. G., Yudina A. M., Ilkevich B. V. and oth. Student attitude to demographic situation in Russia // Humanities & Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7. № 4. P. 1189 – 1195.
8. Zhang L., Amos C., McDowell W. C. A comparative study of internet addiction between the United States and China // CyberPsychology&Behavior. 2008. 11. № 6. P. 727 – 729.
9. Internet usage statistics. The internet big picture. World internet users and population stats. URL: <http://www.internetworkworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 24.03.2022).
10. Measuring the information society. The ICT development index 2009. International telecommunication union. URL: http://www.itu.int/ITU-D/ict/publications/idi/2009/material/IDI2009_w5.pdf (дата обращения: 24.03.2022).
11. Statistical Survey Report on the Internet Development in China (January 2009). China Internet Network Information Center. URL: <http://www.cnnic.net.cn/html/Dir/2009/03/23/5512.htm> (дата обращения: 24.03.2022).
12. Web and Downloadable Games White Paper 2004r. IGDA Online Games SIG. URL: http://archives.igda.org/online/IGDA_WebDL_Whitepaper_2004.pdf (дата обращения: 24.03.2022).

References

1. Syaouxue`j Ya. Cennosti i vospitanie cennostnogo soznaniya v sovremennom Kitae // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7. Filosofiya. 2019. № 2. S. 76 – 91.
2. Fortova L. K. Nравstvenno-pravovoe vospitanie uchashhejsya molodezhi : izbr. tr. Vladimir : Sherlok-press, 2018. 202 s.
3. Fortova L. K. Pravovoe povedenie nesovershennoletnix i ego determinaciya : dis. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2007. 150 s.
4. Czoj N. A. Informacionnaya politika gosudarstva i fenomen internet-zavisimosti v Rossii i Kitae // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Sociologiya. 2010. № 4. S. 5 – 16.
5. Yudina A. M. Virtualizaciya informacionno-kommunikativnoj obrazovatel`noj sredy` // Mir nauki, kul`tury` i obrazovaniya. 2019. № 3 (76). S. 151 – 153.

6. Guobin Y. The Internet and Civil Society in China: a preliminary assessment // Journal of Contemporary China. 2003. № 12 (36). P. 453 – 475.
7. Yarygina N. A., Piralova O. F., Lichutina M. G., Yudina A. M., Ilkevich B. V. and oth. Student attitude to demographic situation in Russia // Humanities & Social Sciences Reviews. 2019. Vol. 7. № 4. P. 1189 – 1195.
8. Zhang L., Amos C., McDowell W. C. A comparative study of internet addiction between the United States and China // CyberPsychology&Behavior. 2008. 11. № 6. P. 727 – 729.
9. Internet usage statistics. The internet big picture. World internet users and population stats. URL: <http://www.nternetworldstats.com/stats.htm> (data obrashheniya: 24.03.2022).
10. Measuring the information society. The ICT development index 2009. International telecommunication union. URL: http://www.itu.int/ITU-D/ict/publications/idi/2009/material/IDI2009_w5.pdf (data obrashheniya: 24.03.2022).
11. Statistical Survey Report on the Internet Development in China (January 2009). China Internet Network Information Center. URL: <http://www.cnnic.net.cn/html/Dir/2009/03/23/5512.htm> (data obrashheniya: 24.03.2022).
12. Web and Downloadable Games White Paper 2004r. IGDA Online Games SIG. URL: http://archives.igda.org/online/IGDA_WebDL_Whitepaper_2004.pdf (data obrashheniya: 24.03.2022).

L. K. Fortova, A. M. Yudina, Zhan Nie

**ON THE QUESTION OF THE INTERNET-ADDICTION OF TEENAGERS
IN RUSSIA AND CHINA**

In the article, the authors presented ways to integrate psychological, pedagogical and state support for the prevention of virtual addictions in underage adolescents in the paradigm of Russian and Chinese sociocultural educational environments. The risks and opportunities of international cooperation of states in the field of juvenile justice to reduce destructive behavioral patterns of minors in the context of studying the impact of the ICT index are substantiated.

Key words: *Internet-addiction, ICT index, information and communication culture, teenagers, cyber environment, Internet space of Russia, Internet space of China.*